

Сердце их осталось в Ленинграде

Каждый год ярославцы приходят на мемориальное кладбище и безымянные братские могилы, чтобы вспомнить тех, кто пережил страшные дни блокады Ленинграда. Для тысяч эвакуированных из осажденного фашистами города детей Ярославская земля стала второй родиной. Но были и дети, пережившие блокаду от начала до конца, до ее полного прорыва

Елена, мама, Нинель. 1960 г.

Под стук метронома

Елена Алексеевна Белоусова (в девичестве Любуцкая) родилась в Ленинграде 12 мая 1939 года. Папа Алексей Васильевич и мама Клавдия Петровна были военными врачами. К моменту начала блокады Ленинграда младшей дочке Леночке не исполнилось и двух с половиной лет, ее сестренка Нинель на полтора года старше.

— Мы жили в деревянном двухэтажном доме, но после первых обстрелов там вылетели все окна, — рассказывает Елена Белоусова. — Дом признали непригодным для жилья с маленькими детьми, и нас переселили на Большую Пушкарскую, выделив часть мастерской художника Константина Рудакова. Я хорошо помню, что высокие окна были заклеены бумажными полосами, у нас стояла печка-буржуйка, которая сильно дымила. Запомнились и стук метронома, который передавали по радио, и завывание сирен: мы были совсем маленьки-

ми, но понимали, что звук этот очень тревожный. А еще я помню два детских противогаза — папа прошел всю финскую войну и очень боялся газовой атаки, поэтому купил их для нас с сестрой.

Папа умер вскоре после начала блокады, 7 ноября 1941 года, перенес две тяжелые операции. Перед смертью он сказал жене: «Я уверен, что ты сможешь спасти дочек, потому что сама очень сильная». Так и получилось. Всю войну мама работала главным санитарным инспектором Петроградского района, занималась гигиеной питания, в том числе и разработкой норм выдачи хлеба — тех самых, о которых в «Ленинградской поэме» писала Ольга Берггольц.

— Мама все время была на работе, мы ее почти не видели, — вспоминает Елена Алексеевна. — С нами жили родная сестра бабушки Клавдия Семеновна и сестра мамы Елена Петровна Цветкова. Сначала мы находились дома, потом пошли

в детский сад. Помню, как мы водили хоровод в бомбоубежище, когда у кого-то был день рождения. Летом детский сад даже выезжал куда-то, вероятно, в пригород, куда не дошли фашисты. Летом мы рвали листики кислицы и ели их, а осенью собирали желуди. Наверное, из них готовили что-то вроде чая или кофейного напитка. Помню, как отщипывали крохотные кусочки хлеба от тех 125 граммов, которые были положены детям блокадного Ленинграда. Мама говорила, что хлеб этот неестественно черного цвета. Об этом хлебе через много лет после вой-

**Эти дети созданы из стали,
Эти дети сотканы из горя,
Из печальных материнских слез.
Сердце их осталось в Ленинграде,
Детство их с собой фашист унес...**

*Эти стихотворные строки
Елена Алексеевна Белоусова
посвятила детям, выжившим
в самое тяжелое время —
под звуки сирен и метронома.*

ны она написала статью, которую приняли в обществе гигиенистов и напечатали в журнале «Гигиена питания».

Преодолевшие смерть

Маму Елена Алексеевна считает настоящим героем. Каждый день, несмотря на артиллерийские обстрелы и авиационные налеты, шла она на работу. Артобстрелы были намного опаснее: о налете с воздуха жителей осажденного города предупреждали сигналом воздушной тревоги, и те успевали укрыться в бомбоубежищах. А вот артобстрелы начались внезапно, в любое время суток. Фашисты старались бить по городу прицельно, когда люди выходили из домов на работу. В плане уничтожения ленинградцев, разработанном начальником оперативного отдела 18-й немецкой армии Ферчем, было написано: «...надо бить по трамвайным остановкам, людным перекресткам, площадям, неожиданно перебрасывая обстрел с одного места на другое... Когда оставшиеся в живых доберутся до заводов, школ, прекратить обстрел улиц. Теперь перейти к другим объектам: этим самым заводам и школам... Утюжить калибром 420 цехи и склады, сметать школы. Путь домой и из дома пусть станет для этих людей дорогой смерти. В любую минуту, на любом перекрестке, в дождь, снег и при солнце с неба их будет подкарауливать смерть».

— Когда я читала эти документы, вспоминала маму, — говорит Елена Белоусова. — Она рассказывала, как ходила на работу и спешила домой, падала на колени, если начиналась бомбежка, потом разгибалась, поднималась и шла дальше.

Когда бабушкина сестра Клавдия Семеновна умерла, рядом с ней нашли Лену. Девочка не понимала, что такое смерть, пыталась согреться в постели. Клавдию Семеновну зашили в простыню и на санках отвезли на кладбище.

Радио в годы войны играло важную роль в жизни каждого ленинградца. И не только потому, что предупреждало об артобстрелах или авианалетах. В тяжелые дни блокады радиопередачи помогали людям выжить, не впасть в отчаяние.

— К ленинградскому радио я отношусь особенно трепетно, — продолжает Елена Алексеевна. — Мне запомнились совершенно удивительные музыкальные радиопередачи, часто передавали сказки для детей. На радио всю войну работал наш дядя Константин Миронов, и магнитофонные записи с его голосом хранятся в нашей семье.

В мае 45-го воспитанников детского сада снова вывезли в пригород. Однажды к ним приехали мамы, дети бежали им навстречу, и все радостно кричали: «Ура, Победа!»

Судьба жены офицера

Окончив школу, Елена поступила в медицинский институт. В 21 год вышла замуж за военного врача Юрия Владимировича Белоусова, вместе с ним отправилась к месту его службы на остров Русский в заливе Петра Великого в Японском море. Диплом врача получала уже во Владивостоке.

— Где служит муж, там и вся семья, это судьба жены офицера, — улыбается Елена Алексеевна. — Шесть лет мы жили на Дальнем Востоке, шесть лет в Магадане. К тому времени у нас было уже двое детей — дочка и сын. В 1972 году мужа перевели в военную часть на станцию Бурмакино Некрасовского района. Там он служил до пенсии, а я всю жизнь работала по своей специальности акушером-гинекологом. В Ярославле мы с 1985 года. Получает-

Елена Алексеевна Белоусова.

ся, с Ярославской землей связано больше половины жизни. Но мое сердце, моя душа остались в Ленинграде. Каждый год я приезжаю туда и не могу дышаться тем воздухом, насмотреться на город — все это для меня родное.

Эти дети сотканы из горя

В 2017 году Елене Алексеевне довелось побывать на выставке патриотического объединения «Ленрезерв», посвященной блокаде Ленинграда. Она прошла в КЗЦ «Миллеиум».

— Я словно вернулась в то страшное время, — говорит Елена Белоусова. — Полуразрушенная стена здания, вой сирены, скользкие лучи прожекторов и голос из репродуктора. Этот голос, предупреждающий о налете фашистской авиации, я узнала сразу.

В прошлом году члены Ярославского отделения организации «Жители блокадного Ленинграда» были приглашены на празднование 75-летия полного снятия блокады. В «Ленрезерв» Елена Алексеевна передала некоторые фотографии, документы и карту, на которой отмечены все бои за Северную столицу. Еще раньше много фотографий ее мама передала в музей истории Санкт-Петербурга. Там же хранится и «Портрет сандружинницы», написанный художником Константином Рудаковым с ее тети Елены Цветковой. Тетя на портрете изображена во дворе дома, через плечо — санитарная сумка с красным крестом. В том самом доме на Большой Пушкарской до сих пор живет старшая сестра Елены Алексеевны Нинель. На доме мемориальная табличка о художнике Рудакове, а вот о том, что в подвале было бомбоубежище, спасшее жизни многих жильцов, таблички нет...

Ирина ШТОЛЬБА

Фото автора

Фрагмент карты, переданной в «Ленрезерв».